

НОВГОРОДСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «СЛОВЕ». В тексте С. исследователи обнаружили ряд сюжетных эпизодов и лексем, соотносящих памятник с *Новгородом* и его культурой.

Так, к новгородскому летописанию, возможно, восходит чтение С., долго затруднявшее его комментаторов. Известно, что между С. и ПВЛ имеется расхождение в указании на место похорон *Изяслава Ярославича* — сына *Ярослава Мудрого*. Согласно ПВЛ, Изяслав был похоронен в Десятинной церкви. В С. говорится: «Съ тоя же Каялы Святоплкъ повелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Киеву» (С. 16). Это известие в С. считалось либо ошибочным, либо относящимся не к Изяславу Ярославичу, отцу Святополка, а к его тестю — Тугоркану. *М. Д. Приселков* предположил, что автор С. пользовался не ПВЛ в известных нам списках, а черниговской летописью отца Игоря Святославича — Святослава Ольговича, где известия могли даваться в сокращ. виде. В С. же эти известия были осмыслены по-своему: поскольку София была гл. храмом Киева, постольку, предположил автор, Изяслав был похоронен именно там. В 1949 *Ив. М. Кудрявцев* дал бесспорное объяснение происхождения этого места. Оказалось, что Изяслав, согласно Софийской I летописи, был похоронен именно в Софии, а не в Десятинной церкви. Осталось только выяснить, откуда попало известие о похоронах Изяслава в Софийскую I летопись и почему автор С., постоянно пользовавшийся известиями летописи, иногда даже в летописной их форме, воспользовался именно той версией, которая оказалась запечатленной в Софийской I летописи.

Как это установил в свое время еще *Приселков* в «Истории русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940) и развил *Д. С. Лихачев* в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.; Л., 1947. С. 182—196), значительнейшую часть Ипат. лет. за XII в. составляет летописец героя С. — Игоря Святославича, основанный в свою очередь на летописце его отца Святослава Ольговича (см. *Летописец Игоря Святославича*).

Очевидно, что в основе летописца отца Игоря, Святослава Ольговича, лежало новгородское летописание, а следовательно, и текст XI в., близкий Начальному летописному своду, которым, как основательно предположил *А. А. Шахматов*, начинались новгородские летописи.

Многие сведения в С. даются в форме, близкой к летописным о них известиям. К новгородской летописи близка, в частности, формулировка полноты поражения по дешевизне рабов-пленников. Так, в «Сказании о знамени святей Богородици» о поражении суздальцев у стен Новгорода в 1169 для обозначения тяжести этого поражения суздальцев сказано: «и продаваху суздальца по две ногате». Именно это определение имеется

в С. в отношении *Всеволода Суздальского*: если бы он был на юге и поблюл бы отень злат стол киевский, «то была бы чага по ногатъ, а кощей по резанъ». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в этом пассаже применяется новгородская денежная система: *ногата* и *резана*. В. Л. Янин отмечает, что «в новгородских письменных источниках термин „резана“ доживает до рубежа XIII—XIV вв.» (Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1970. Т. 3. С. 172. Ср. также: Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956).

Др. новгородская денежная единица в С. — *бела*, и она также дана в С. в составе летописной формулы: «емляху дань по бѣлѣ от двора». Ср. ПВЛ под 859: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма» (С. 18).

Исследуя упоминаемые в С. денежные единицы, следует иметь в виду, что оно не документ, а худ. произведение. Поэтому в упоминаемых в С. ногате, резане и бели важны те устойчивые лит. формулы, в составе которых они фигурируют, а не их реальность в денежном обращении. Впрочем, сами формулы с участием упоминаемых в них денежных единиц могли сохраняться только в той стране, где они существовали когда-то, — в данном случае на новгородском севере.

В связи с этими новгородскими чертами в С. заслуживает внимания тот факт, что отец Игоря Святославича — Святослав Ольгович был дважды новгородским князем и был женат на новгородке. Оба правления Святослава в Новгороде (с 1136 по 1138 и с 1139 по 1141) были хотя недолгими, но бурными. Для нас важно, однако, следующее: Святослав женился на новгородке — по-видимому, простой, так как епископ отказался их венчать, и венчался Святослав в построенной им церкви Николая «своими попы». Второе, что привлекает наше внимание, — необычайная точность дат вокняжения и изгнания (особенно вокняжения) в летописи.

Точные даты могли быть исчислены известным новгородским математиком и автором канонич. «Вопрошаний» Кириком. Следовательно, можно думать, что летописание Святослава Ольговича и его сына Игоря Святославича получило толчок к своему возникновению еще в Новгороде, память о котором не могла исчезнуть в семье Святослава и его сына, ибо оттуда была жена Святослава — мать Игоря.

В С. есть одно загадочное название народности — «*готы*» — в его производном «*готьскыя дѣвы*». Обычно считается, что это «готы тетракситы», населявшие сев. берег Черного моря (Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940. С. 267). В рус. источниках древнейшего периода эти готы ни разу не упоминаются. Но о готах говорится под 862 в ПВЛ в перечислении сев. народов: «свие, урмане, анъгляне, готи» (С. 18). Постоянно поминаются эти готы — жители о-ва Готланд в Балтийском море — в новгородских и смоленских грамотах XII—XIII вв., в самом Новгороде был Готский двор с церковью святого Олафа (см.: Рыбина Н. А. Готский раскоп // Археол. изучение Новгорода. М., 1978. С. 197—226). М. А. Салмина предложила видеть в «готских девах» С. — сев. готов (Из комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 229). В этом случае понятно,

почему они «звонят русским золотом»: сев. готы вели обширную торговлю с Новгородом и Русью в целом, и упоминание золота было бы вполне уместно. Но с готами были не только торг. отношения, но и разногласия. Об одном из таких разногласий говорится под 1188 в Новг. перв. лет., в той части Синодального списка, которая относится к XIII в.: «В то же лето рубоша новгородьце варязи на Гътех, Немьце в Хоружьку и в Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаше варягом, нъ пустиша я без мира» (С. 39). Смысл этого известия до конца не ясен (толкование этого неясного места см.: *Сыромятников С. Н. Древлянский князь и варяжский вопрос.* СПб., 1912. С. 10–13), но не подлежит сомнению, что под 1188 здесь отмечено какое-то серьезное размирие с готами и разрыв в торг. отношениях. Если перед известием о готских девах, «лелеющих мечь» против Руси, отмечены и немцы, под которыми могли пониматься только сев. народы — германцы и шведы, которые «кают» князя Игоря, и опять в какой-то неясной для нас, но, очевидно, понятной для современников, связи с рус. золотом («Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы, реки половецкiя, рускаго злата насыпаша»), то толкование готских дев как дев Готланда, готов северных, — учитывая к тому же размах, который придан автором С. всесветному отклику на поражение Игоря, — становится вполне вероятным. Салмина предположила также, что в С. под «временем бусовым» подразумевается время особого рода кораблей — «бусов» (Из комментария... С. 228). Бусы действительно упоминаются в новгородских и псковских летописях — по И. Срезневскому, от древнесев. *bussa*, древнеангл. *buss*, дат. *boise*, нидерл. *buisse* (см.: *Срезневский. Материалы.* Т. 1. С. 194, со ссылкой на словарь Дюканжа). Это судно морское — и, по-видимому, такое, в котором ходили в Новгород иностр. купцы. Впрочем, следует иметь в виду, что определение какого-либо периода времени такого рода и сходного по типу больше ни в каких древнерус. источниках не встречается.

Шарукан был разбит рус. князьями в битве 1106. Шарукан был дедом князя *Кончака*. Почему же готские девы «лелѣють мечь Шароканю»? В С. поражению русских радуются разные народы в разных концах света, как и славу Руси поют разные народы во всем мире (Святославу поют славу «немци и венецици», «греци и морава»). Неудивительно, что к радости врагов Руси присоединяются и жители «Готского берега».

Если речь идет о Готском берегу и его размолвке с Новгородом 1188, то почему все же упоминаются именно «девы»? Ответ на этот вопрос состоит, очевидно, в том, что в Древней Руси в хоровом пении участвовали только женщины, девицы по преимуществу. Плакивают пением, поют славу в С. только девы и девицы. В миниатюрах Радзивилловской летописи в хорах, поющих славу князьям, участвуют также только женщины (л. 201, 207, 215, 220).

Если верно, что готские девы, поющие на бреге синего моря, — девы Готского берега (Готланда) и их враждебность к русским объясняется размолвкой Новгорода с Готским берегом 1188, то создание С. не может быть отнесено ко времени ранее 1188, но не должно и слишком отступать от этой даты, так как вряд ли, что у кого-либо, кроме авторов новгородских письм. источников, это сравнительно незначит. ист. событие могло на длительный срок запечатлеться в памяти.

Обратим внимание и на следующее. Как известно, «слава Ярослава» традиционно связывалась с новгородскими вольностями, «грамотами Ярослава», по преданию дарованными Новгороду Ярославом Мудрым, и с «Русской Правдой». Новгород со славой Ярослава также связывался лишь на севере. В южных источниках он не воспринимался как город Ярославовой славы. Поэтому известие в С. о том, что Всеслав «отвори врата Нову-граду», тем самым «разшибе славу Ярославу», — также новгородское.

Соображения о новгородских чертах в С. не должны вести к каким-либо категорич. выводам об авторе и происхождении С. Единственно, что достоверно, — это то, что новгородские источники должны быть приняты во внимание при изучении С. Среди этих источников следует в первую очередь указать на летописец отца Игоря Святославича, Святослава Ольговича, дважды княжившего в Новгороде и еще там начавшего свое летописание с участием в нем автора известного математич. сочинения Кирика.

Д. С. Лихачев